

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ
КРОПОТКИН

РЕЧИ
БУНТОВЩИКА

МОСКВА
2019

ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ ЭТОЙ КНИГИ

*Мысль может дремать, но недолго,
и, если ей не дают выхода, препятствуют
ее свободному творчеству, она зарывается,
правда на время, но с тем, чтобы снова пробиться
на поверхность еще живее и с большей
стремительностью.*

*Громадных, все растущих сумм,
взимаемых с народа государством,
не хватает на удовлетворение его нужд.
Оно всегда живет за счет будущих поколений.*

*Свобода печати, свобода собраний,
неприкосновенность жилищ и все остальные права
признаются только до тех пор, пока народ
не пользуется ими, как орудием для борьбы
с господствующими классами.*

*Уважение к детству, любовь к ребенку —
лучшие качества, выработанные человечеством
на всем его тяжелом пути от первобытного
состояния к современному.*

*Ученый так же, как поэт и артист, является
продуктом той среды, в которой он вращается.*

ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ ЭТОЙ КНИГИ

*Настоящее равенство —
земля, капитал и труд для всех.*

*Человеческому уму не свойственно приниматься
за работу разрушения, пока у него нет хоть
некоторого представления о том,
чем он заменит разрушенное.*

*Будущее принадлежит свободной группировке
заинтересованных лиц, а не правительственной
централизации — свободе, а не власти.*

*Уменьшение строгости наказаний
никогда не приводило к увеличению числа
покушений на жизнь граждан.*

*Анархист отрицает не только
все существующие законы,
но и всякую возможность власти и авторитета.
Он начинает с того, что восстает
против какой бы то ни было власти,
против какого бы то ни было авторитета.*

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Петр Алексеевич Кропоткин (1842—1921) — революционер-анархист, историк и философ, географ и геоморфолог. Князь, представитель древнейшего рода, чьи корни ведут свое начало от легендарного Рюрика. В юности он участвовал в научных экспедициях по Сибири, Забайкалью, Маньчжурии, сделал ряд важнейших открытий, был членом Русского географического общества и обладателем золотой медали этого общества.

Казалось бы, ему была уготована «классическая» судьба интеллигента из богатой семьи, который хотя и интересуется общественной жизнью, но бесконечно далек от простого народа и его проблем. Но Кропоткин был человеком совершенно иного, нетипичного как для тогдашней, так и для современной России склада. Не случайно Бернард Шоу назвал его «одним из святых столетия», а Оскар Уайльд считал, что русский князь «живет совершенной жизнью». Петр Алексеевич и умер так, как жил: тяжело заболев, он тем не менее считал себя недостойным привилегий, отказался принять какую-либо помощь от правительства — спецпайки и т. д. — и угас тихо и скромно.

В историю П. А. Кропоткин вошел прежде всего как теоретик анархизма. «Речи бунтовщика» — это квинтэссенция его мыслей по поводу того, какими должны быть общество и государство, основанные на анархических принципах. В то же время нужно отметить, что это не просто умозаключения — это научная работа, основанная на глубочайшей проработке исторических и социологических знаний, и вместе с тем — это поиск пути к идеальному обществу, каким его видел «князь-бунтовщик».

Современное положение

Несомненно, мы идем большими шагами к революции. Разразившись в одной стране, она, как в 1848 году, перейдет в соседние и, охватив весь мир, переродит современное общество и даст ему новые источники жизни.

Для подтверждения этой мысли незачем ссылаться на свидетельства знаменитого немецкого историка Гервинуса¹ или известного итальянского философа Феррари², которые, после основательного изучения современной истории, убедились в неизбежности великой революции в конце этого века. Стоит только присмотреться к картине, развернувшейся перед нами за последние двадцать лет, приглядеться к тому, что происходит сейчас вокруг нас.

Мы видим, что два господствующих явления ярко выступают на сером фоне окружающего: пробуждение народа наряду с полным нравственным, умственным и экономическим крахом правящих классов и предсмертные судороги, немощные усилия имущих классов, стремящихся помешать этому пробуждению...

Да, пробуждение народа!

В душливой, угнетающей атмосфере заводов и фабрик, в грязных харчевнях, под крышей чердаков, в подземных сырых галереях рудников зарождается сейчас новый мир.

¹ *Георг Готфрид Гервинус* (1805—1871) — немецкий историк, литературовед и политический деятель.

² *Джузеппе Феррари* (1811—1876) — итальянский философ и публицист, революционный демократ.

В этой темной массе, которую буржуазия одинаково презирает и боится, но из недр которой черпают свое вдохновение великие реформаторы, сегодня ставятся один за другим основные вопросы социальной экономии и политической организации. Они горячо обсуждаются и получают новые решения, подсказанные чувством справедливости. Беспощадно врезаются эти новые люди в язвы современного общества. Зарождаются уже новые мысли, новые стремления, набрасываются новые концепции.

Высказываются самые различные мнения, самые разнообразные взгляды, но *среди всеобщего хаоса все резче и резче выделяются две основные мысли: уничтожение частной собственности, коммунизм, с одной стороны, и уничтожение государства, свободная коммуна, интернациональный союз трудящегося народа — с другой. Два пути, ведущие к одной цели — равенству. Но это не лицемерная формула равенства, начертанная буржуазией на ее знаменах, записанная в ее кодексах и имеющая одну цель — порабощение производителя.*

•
*Это настоящее равенство —
земля, капитал и труд
для всех.*
•

Напрасно правящие классы стараются подавить эти стремления пробуждающегося народа, напрасно сажают в тюрьмы, уничтожают все, написанное против них. Новые идеи все глубже и глубже проникают в сознание и овладевают сердцами, как мечты о свободной и богатой земле на Востоке овладевали некогда сердцами рабов, идущих в ряды крестоносцев.

•
*Мысль может дремать,
но недолго, и, если ей не дают
выхода, препятствуют ее
свободному творчеству, она
зарывается, правда на время,
но с тем, чтобы снова пробиться
на поверхность еще живее
и с большей стремительностью.*
•

Взгляните на пробуждение социализма во Франции, на это второе пробуждение в течение пятнадцати лет.

Волна, было павшая, поднимается с новой силой. И как только первая попытка практического применения новых идей будет сделана, они предстанут во всей своей простоте, во всей привлекательности. *Одна удавшаяся попытка — и сознание своей силы вдохновит народ на героический подвиг.*

Момент настал. Все способствовало его приближению: нищета, голод и главным образом безработица, вырывающая мыслящего человека из тесного круга его мастерской и бросающая на улицу, где он сразу познает пороки и бессилие правящих классов.

А в это время что делают они, эти правящие классы?

Тогда как естественные науки развиваются с невероятной быстротой и бесконечными открытиями напоминают прошлое столетие перед великой революцией, тогда как ежедневно человеку открываются новые горизонты в его борьбе с враждебными силами природы, буржуазная социальная наука нема — она пережевывает свои старые теории.

Но, может быть, эти правящие классы прогрессируют в практической жизни?

О нет! Они неистово перетряхивают лохмотья своих старых знамен, защищают эгоистичный индивидуализм, конкуренцию человека с человеком, нации с нацией, всемогущество централизующего государства.

Они переходят от протекционизма к свободе торговли и от свободы торговли к протекционизму, от реакции к либерализму и от либерализма к реакции, от атеизма к ханжеству и от ханжества к атеизму. *Всегда запуганные, со взглядом, обращенным в прошедшее, они совершенно лишены способности создать что-либо более или менее прочное.*

Вся их деятельность есть полное противоречие всем их обещаниям. Они обещали нам, эти правящие классы, обеспечить свободу труда — и отдали нас в кабалу фабрике и хозяину. Они взялись за организацию промышленности, сулили нам благосостояние — и дали бесконечные кризисы и нищету. Обещали просветить нас — и лишили возможности получать образование; обещали политическую свободу — и волокли от реакции к реакции; обещали мир — и привели к войне, к войнам без конца!

Вот все, что они сделали для нас.

Народ устал; он изнемогает, он спрашивает себя, до чего его довело управление вечно издевающейся над ним буржуазии.

Ответом ему служит современное экономическое положение Европы.

Кризис стал бедствием хроническим. Кризис хлопчатобумажный, кризис металлургический — все кризисы разражаются сразу, чередуются непрерывно.

Миллионами исчисляется сейчас количество рабочих, оставшихся без работы; десятки тысяч ходят из города в город, прося подаяние или требуя с угрозами работы или хлеба. Как в 1787 году крестьяне бродили по дорогам Франции, не находя в этой плодородной стране клочка земли для обработки, так теперь рабочие остаются с пустыми руками, не находя материалов и орудий, необходимых для производства и захваченных горстью бездельников. Богатые промыслы внезапно гибнут; большие города, как Шеффилд, становятся безлюдными. Нищета в Англии, где «экономисты» так старательно применяли свои принципы, нищета в Эльзасе; голод в Италии, голод в Испании; безработица повсюду, а с безработицей нужда, вернее нищета: посинелые дети, женщины, состарившиеся к концу зимы на пять лет, болезни, косящие целые ряды рабочих. Вот до чего довел нас их режим.

И они нам говорят о перепроизводстве! Перепроизводство? Когда рудокоп, собирающий груды каменного угля, не имеет топлива в самую суровую зиму? Когда ткач, вырабатывающий километры материи, принужден отказывать в рубашке своим оборванным детям? Когда каменщик, воздвигающий дворцы, живет в конуре, а мастерице, изготавливающей роскошные наряды дам, нечем покрыться в стужу?

Это ли они называют организацией промышленности? Это, вернее, тайный союз капиталистов для порабощения рабочих.

Капитал, этот продукт труда человеческого, не должен быть употреблен, говорят они, на земледелие и промышленность, как на предприятия слишком рискованные.

Но где он находит себе более выгодное помещение? Куда направляется он по выходе из несгораемых шкафов? Куда?

Он идет на меблировку гаремов султанов, на ведение войн, на поддержку русских против турок и в то же время турок против русских. Употребляется он на учреждение акционерных обществ, основанных не для производства чего бы то ни было, а имеющих целью через какие-нибудь два-три года покончить грандиозным крахом, конечно после того, как тузы-основатели удалились, унося с собой миллионы — плату за инициативу.

Пойдет он также на постройку никому не нужных железных дорог в Сен-Готарде, Японии или даже Сахаре — лишь бы Ротшильды, инженер и подрядчик нажили на этом предприятии по несколько миллионов.

Но главным образом капитал идет на ажиотаж — на игру на бирже. Капиталист будет спекулировать на искусственном повышении цен на хлеб и на хлопок; он будет спекулировать на политике, на повышении государственных бумаг вследствие ложно пущенного слуха о различных реформах или дипломатических переговорах, и большей частью агенты самого государства будут наживаться на этих спекуляциях. *Ажиотаж, убивающий промышленность, — вот настоящее положение, вот что они называют разумным ведением дел. Вот для чего мы должны, как они говорят, содержать их!*

Экономический хаос достиг своего апогея.

Но скоро ему настанет конец!

Народ устал от бесконечных кризисов, вызываемых алчностью и хищностью правящих классов. Он хочет жить работая, а не влачить бесконечные годы бедствия и нищеты, принимая унижительные подачки и имея впереди каких-нибудь два-три года более или менее обеспеченного изнурительного труда, всегда нищенски оплачиваемого.

Рабочий убедился в несостоятельности правящих классов; он знает, что эти дряхлые старики неспособны понять его стремлений к новой жизни, неспособны в то же время сами организовать промышленность, производство и обмен. Народ в скором будущем произнесет приговор над буржуазией и лишит ее прав. Он сам возьмется за свои дела, как только наступит благоприятный момент. Момент этот не заставит себя долго ждать. Его приближению способствуют как бедствия, подрывающие промышленность, так и полное разложение государств, разложение, происходящее на наших глазах с головокружительной быстротой.

Разложение государств

Если экономическое положение Европы может быть формулировано словами: промышленный и коммерческий хаос и несостоятельность капиталистического производства, то *политическое состояние должно быть охарактеризовано так: быстрое разложение и близкий крах всех государств.* Действительно, все они, от жандармского самодержавия России до буржуазной олигархии Швейцарии, большими шагами идут к разложению и, следовательно, к революции.

Дряхлые старики с морщинами на челе, с дрожащей поступью, изъеденные конституционными болезнями, неспособные приобщиться к новым потокам жизни, *они бесцельно растрачивают жалкий остаток своих сил на взаимную вражду, на защиту отживших предрассудков и этим ускоряют свою гибель.*

Неизлечимая болезнь — болезнь старости и разложение — глохнет их. Достигнув в XVIII веке кульминационного пункта своего развития, старые государства Европы вступили теперь в фазу упадка.

Государство — организация, в которой всеми членами и всеми делами управляют несколько человек, отжило свой век. Человечество вырабатывает уже новые формы общественной жизни. Народ стремится к разрушению власти, препятствующей его свободному развитию. Он хочет автономии провинций, коммун, рабочих союзов, основанных на взаимном добровольном соглашении, а не на предписанных властью законах.

Вот та историческая фаза, в которую мы уже вступили.

Если бы правящие классы могли только понять современное положение общества, они, конечно, поспешили бы стать впереди всех новых стремлений. Но, прожив всю жизнь по старым традициям, не зная иного культа, кроме культа золотого мешка, они всеми силами противятся наплыву новых идей и этим самым неизбежно ведут нас к бурному потрясению. Народ предъявит свои требования под гром пушек, под треск картечи, при зареве пожаров.

Когда после падения средневековых учреждений народились в Европе новые государства, они должны были заведовать лишь небольшим кругом общественных дел. *Теперь же государство вмешивается положительно во все проявления нашей жизни. От колыбели до могилы мы все время в его тисках. Будь то центральное государство, автономные провинции или кантоны, общинное государство преследует нас повсюду, налагает на нас свои цепи, предписывает нам свои законы.*

Оно создает целые груды этих законов и предписаний, разобраться в которых не может самый искусный адвокат. Оно каждый день прилаживает что-нибудь новое к старой машине и создает сооружение настолько сложное, дикое и нелепое, что им начинают возмущаться сами его заправители. Оно содержит целую армию чиновников, пауков-взяточников, смотрящих на мир сквозь грязные стекла своих канцелярий, теряющих здравый смысл среди бесконечной путаницы канцелярских бумаг.

Это шайка, имеющая одну религию — религию медного гроша, одну заботу — скорее примкнуть к той партии, будь она черная, лиловая или белая, которая гарантирует максимум оклада при минимуме работы.

Результаты — нам слишком хорошо известны.

Есть ли хоть одна отрасль государственной деятельности, которой бы не возмущались все, имеющие к ней прикосновение, хоть одна отрасль, в которой государство, после многих веков существования и работы, не показало бы полной своей несостоятельности?

Громадных, все растущих сумм, взимаемых с народа государством, не хватает на удовлетворение его нужд. Оно всегда живет за счет будущих поколений.

Государственные долги Европы достигли сейчас неимоверной цифры — больше ста миллиардов, ста тысяч миллионов франков. Если бы доходы всех государств были употреблены на погашение этого долга, на это не хватило бы и пятнадцати лет. Между тем государства с каждым днем увеличивают свои расходы; каждая партия, стоящая у власти, создает новые должности для своих клиентов — это неизбежно.

Так обстоит дело во время мира. Когда же наступает война, государственные долги и дефициты возрастают неимоверно. И этому нет конца, нет выхода из этого лабиринта. Государства на всех парах идут к разорению, к банкротству, и недалек тот день, когда обнищавший народ откажется платить ежегодно банкирам четыре миллиарда процентов, объявит полный крах государств и пошлет этих самых банкиров пахать землю, если им хочется жить.

С существованием государства неразрывно связана необходимость войны. Государство должно быть сильным, сильнее соседей, иначе оно будет игрушкой в их руках. Оно должно способствовать разорению других государств, чтобы подчинить их своим законам, ввести свои торговые договоры и разбогатеть за их счет. Борьба за преобладание — основа буржуазной экономической организации — является в то же время основой и политической организации.

Вот почему война стала естественным состоянием Европы. Войны прусско-датская, прусско-австрийская, франко-прусская, война на Востоке, в Афганистане, — непрерывно следуют одна за другой. Предвидятся еще новые войны: Россия, Англия, Пруссия, Дания готовы сейчас направить друг на друга свои войска. Причин для войны есть еще лет на тридцать.

А война влечет за собой безработицу, кризисы, увеличение налогов, наращение долгов. Кроме того, война — нравственный удар для государства. После каждой войны народ убеждается в несостоятельности государства, даже в его прямом назначении: оно едва защищает свою территорию; даже победителем оно терпит большой урон. Вспомните только брожение, вызванное войной 1871 года как во Франции, так и в Германии; вспомните недовольство, возникшее в России по поводу войны на Востоке.

Войны и вооружение ведут государства к гибели; они ускоряют их нравственный и экономический крах. Еще одна-две большие войны — и конец этим развинченным машинам.

Наряду с внешней войной — война внутренняя.

Признанное народом на условии — быть защитником слабых против сильных, государство стало теперь оплотом богатых против эксплуатируемых, хозяев против рабочих.

К чему она, эта огромная машина, именуемая государством? Препятствует ли она эксплуатации рабочего капиталистом, крестьянина помещиком? Обеспечивает ли нам свободу труда? Защищает ли нас от ростовщиков? Дает ли хлеба женщине, когда она водой старается утолить голод ребенка, плачущего у ее истощенной груди?